

Сун Луань могла вспомнить лишь некоторые детали из своих снов. Они постоянно прерывались, и были очень длинными, но каждый раз, когда она просыпалась, она не могла вспомнить их, и её мозг болел после того, как она слишком долго пыталась вспомнить то, что ей снилось. Время шло, и Сун Луань перестала пытаться вспомнить свои сны.

Сун Луань немного зависела от Чжао Нанью. Поздней осенью было холодно. Она всегда обнимала его по ночам, и всё её тело выгибалось в его объятиях, чтобы согреться.

До тех пор, пока Чжао Нанью не заставлял её сказать, что он ей нравится, Сун Луань чувствовала, что может так жить.

Однако Сун Луань заметила сдержанность Чжао Нанью в последние дни. В последнее время он почти не разговаривал с ней. Им часто нечего было сказать друг другу.

Сун Луань не могла сказать, попала ли она в мир из книги. Даже если и так, это не имело значения. Она не могла вернуться домой.

Став влиятельным чиновником в книге, Чжао Нанью заботился только о власти и не очень интересовался женщинами. Каждый день он возвращался из Дворца очень поздно и не произносил даже нескольких слов главной героине.

Сун Луань чувствовала, что давно не видела других мужчин, кроме Чжао Нанью. Раньше в резиденцию приходили его советники или ученики, чтобы поговорить с ним о разных вещах.

Сун Луань всё ещё помнила элегантного и красивого учёного, которого она видела в тот день.

После того, как его вырвало кровью в тот раз, время Чжао Нанью с ней в комнате стало длиннее. Он обнимал её днями напролёт, и его страх перед долгим отсутствием проникал даже в сознание Сун Луань. Она чувствовала, что собственничество Чжао Нанью достигло своего пика, и он не хотел отпускать её от себя ни на полшага.

Чжао Нанью согласился позволить ей увидеть маленького Чжао, но с условием, что он научит её хорошо писать.

Сун Луань не могла понять сложный шрифт древности. Его было так же трудно понять, как и письма печати, и они были очень сложными для написания. Она узнавала только самые простые и читала только книжки с картинками, в которых было мало слов.

Поэтому у Сун Луань болела голова, когда она занималась каллиграфией.

Однако Чжао Нанью, который стоял у окна и читал книгу, выглядел так, словно ему было весело. Оконное стекло было приподнято, и золотистые лучи солнца хлынули на его лицо. Он был одет в мантию цвета полумесяца, с нефритовой короной в волосах, тонкими чертами лица

и синим саше, повязанным вокруг талии.

Этот саше был вышит Сун Луань, она не умела хорошо вышивать. Когда Чжао Нанью достал его, чтобы надеть, она вышла из себя и сказала, что потеряет лицо(стыдно будет), но ему было всё равно.

Чжао Нанью поднял голову и помахал ей рукой:

— Иди сюда, я научу тебя писать.

Сун Луань подбежала к нему и обняла. Его широкие и тёплые ладони крепко обхватили её маленькие ручки и начали учить писать.

Сун Луань слегка повернула лицо и с любопытством спросила:

— Что означает это слово?

Вместо ответа Чжао Нанью спросил её:

— Ты запомнила, как оно пишется?

Сун Луань покачала головой и честно ответила:

— Нет.

Он написал его всего один раз, как она могла запомнить?

Находясь в трансе, Сун Луань чувствовала, что это был первый раз, когда у них было такое спокойное свободное время. Он учил её каллиграфии. И он спокойно улыбался ей, хотя она сама не знала, что говорит.

Если подумать, то ей казалось, что она спит.

Чжао Нанью взял на себя труд учить её. Он был очень терпелив. Запястье Сун Луань заныло, ей хотелось бросить всё и больше ничего не делать.

Но всякий раз, когда она думала о сыне, её гнев подавлялся.

За это короткое время Чжао Нанью научил её менее чем десяти словам. Ей было очень стыдно, что она такой плохой ученик.

Чжао Нанью был строгим учителем, когда учил людей писать. Если она писала неправильно, он бил её по ладони линейкой.

Хотя он и не больно бил, Сун Луань было грустно, поэтому она жаловалась ему в слезах, что он издевается над ней.

Глаза Чжао Нанью потемнели.

— Разве я издеваюсь?

Сун Луань поднесла свою слегка покрасневшую ладонь к его глазам.

— Видишь, у меня распухла рука.

Чжао Нанью поджал губы и усмехнулся. Он взял её за руку.

— Я принесу тебе мазь.

...

После того, как он нанёс мазь на её руку, Сун Луань всё ещё не была удовлетворена. Её щёки были полны гнева.

Чжао Нанью протянул ей линейку.

— Можешь ударить меня линейкой, если это тебя успокоит.

Сун Луань взяла линейку и дважды ударила его по руке. Она не осмеливалась использовать всю свою силу, не осмеливалась даже сдвинуться с места.

Вскоре они легли спать. Сун Луань не знала, что случилось потом, но когда она пришла в себя, её уже бросили в постель.

Сильный и свирепый человек был чрезвычайно энергичен, и Чжао Нанью особенно увлекался "этим занятием" в последние дни.

Пояс Сун Луань был сброшен на пол. Её длинные волосы тоже были разбросаны по подушкам, вишнёвый рот слегка приоткрыт, а грудь вздымалась и опускалась.

Пот стекал по её лбу, а маленькие ушки слегка покраснели.

Руки Чжао Нанью лежали по обе стороны от неё, его глубокие глаза, похожие на глубокие холодные колодцы, смотрели прямо на неё.

Сун Луань почувствовала, что он хочет съесть её. Она прикрыла грудь рукой и сказала:

— Тебе нужно улыбаться почаще.

Чжао Нанью кивнул и начал раздеваться. Сун Луань потянула его за руку, чтобы он не двигался. Она играла с ним в кокетство сладкими словами:

— Господин Чжао, это вредно для вашего тела, вы должны быть немного сдержаннее.

Рука Чжао Нанью медленно опустилась к её животу. Его тёплые ладони приласкали её, и он тихо засмеялся. Он чуть не укусил её за мочку уха и сказал:

— Луань Бао, давай заведём ещё одного ребёнка.

Когда он назвал её "Луань Бао", всё её тело ослабло. Мягкие и сладкие слова, как мёд, начали слетать с его губ.

Оказалось, что Чжао Нанью хотел ребёнка.

Но Сун Луань всё ещё не могла забыть боль, которую она испытала, когда у неё случился выкидыш. Всепоглощающее отчаяние лишило её возможности дышать.

Сун Луань тихонько отшатнулась:

— Мне немного страшно.

Чжао Нанью почувствовал боль в сердце. Он с жалостью поцеловал её в губы и тихо сказал:

— На этот раз я не причиню тебе вреда. Давай заведём ребёнка.

Она была в добром здравии и благополучии, с ней никогда больше ничего не случится.

Каждый раз, когда Чжао Нанью вспоминал её бледное тело, лежащее в его руках, и его ладони, покрытые её кровью, он чувствовал боль.

За все грехи, которые он совершил сегодня и прежде, он не мог винить других. Он мог винить только себя за отсутствие сердца.

Сун Луань прикусила губу и молча склонила голову. Она всё ещё не хотела ребёнка.

Чжао Нанью сказал с улыбкой:

— Может быть, у тебя уже есть наш ребёнок в животе.

Долгое время тяжёлой работы всегда будет вознаграждено.

Сун Луань пристально посмотрела на него и серьёзно сказала:

— Ты не очень-то любишь детей.

— Это зависит от матери. Если он будет рождён тобой, он мне очень понравится.

Сун Луань прикрыла рот рукой и хихикнула:

— А ты умеешь уговаривать.

Он не пугал и не угрожал ей.

С вечера и до полной темноты слышались тихие стоны. Служанка, охранявшая дверь, покраснела, и её сердце забилось быстрее.

В течение нескольких дней и ночей красивая девушка в комнате постоянно стонала. Никто не знал, как её маленькое тело могло выдержать такую напряжённую деятельность. Ей было действительно тяжело.

Спустя долгое время в комнате зажглись свечи. Мужчина оделся и открыл дверь. Выражение его лица было немного холодным, когда он приказал:

— Приготовьте воду.

Служанка пошла на кухню и принесла горячую воду в их комнату.

Сун Луань, которую обслуживал Чжао Нанью, облокотилась на ванну с закрытыми глазами. Ей ничего не нужно было делать.

После купания он насухо вытер её. Он взял её чистую одежду, одел, положил её обратно на кровать и завернул её в одеяло.

Если однажды Сун Луань тоже вспомнит прошлое, она возненавидит его.

Первый раз он убил её ради страны.

Рука Чжао Нанью лежала на её талии. Сун Луань привычно сверлила его грудь, её маленькая головка лежала у него на руках, её руки и ноги лежали на его теле, и она бормотала во сне:

— Ах, я хочу поесть сахарную тыкву.

Как только рассвело, отец позвал маленького Чжао.

Чжао Нанью посмотрел на ребёнка, голова которого была на уровне его талии. Его сердце смягчилось.

— Сейчас ты увидишься со своей матерью.

Маленький Чжао подумал, что отец заставляет его признать в этой женщине свою мать. Он опустил голову и почувствовал боль в сердце.

— Да, отец.

Вскоре после этого его, наконец, вывели во внутренний двор, куда ему никогда не разрешалось заходить.

Маленький Чжао стоял за воротами двора.

— Молодой Господин, пожалуйста, поторопитесь.

— Закрой свой рот.

Его тон был низкий, молодой и величественный. Холод, исходящий от его тела, заставлял людей уважать его.

Маленький Чжао внимательно оглядел двор и дважды усмехнулся. Ненависть в его сердце становилась всё сильнее и сильнее. Этот двор был почти такой же, как и тот, где раньше жила его мать.

В саду росли цветы, которые любила его мать.

Маленький Чжао поднял своё маленькое личико, он медленно шёл к двери. Не дожидаясь ответа, он открыл дверь. Так как он уже отругал её, она не осмелилась открыть рот во второй раз.

Сун Луань, находившаяся в комнате, необъяснимо нервничала, обходя вокруг стола. Сегодня на ней была розовая короткая юбка и лёгкий макияж. Она выглядела очень элегантно.

Маленький Чжао долго стоял и наконец бесстрастно вошёл в комнату.

Он твёрдо решил, что больше никогда не покажется этой женщине.

Перед его приездом Бабушка Линь посоветовала ему быть повежливее с новой женой. Она была любима его отцом, и это, вероятно, могло привести к тому, что отец и сын будут разлучены друг с другом.

Но новая жена рано или поздно родит ребёнка, и к тому времени его статус упадёт.

Но Маленький Чжао тогда рассмеялся и спросил:

— Почему она так любима им?

Бабушка Линь проводила его до двери встревоженным взглядом.

В комнате было так тихо, что он слышал звук своих шагов.

У окна сидела женщина, свесив ноги, и её вышитые туфли покачивались в воздухе. Её спина была обращена к нему, длинные волосы рассыпались по спине, и только профиль её лица был виден в тусклом свете.

Даже если это была только половина её лица, этого было достаточно, чтобы маленький Чжао узнал её.

Ребёнок застыл на месте, не шевелясь, глаза его были полны воды, а щеки мокры от слёз.

Он не мог внятно произнести:

— Мама, мама?

Сун Луань обернулась, её сердце билось как барабан. Она глубоко вздохнула и постепенно расслабилась. Она изобразила на лице яркую улыбку:

— Да, это я.

Затем она сказала:

— Мы давно не виделись, ты скучал по мне?

Да, конечно.

Иногда он тайком плакал в постели.

Перед матерью он был всего лишь хрупким ребёнком. Он часто плакал, чувствовал себя обиженным и даже боялся.

Его глаза покраснели, он подбежал к матери, отбросив застенчивость. Он крепко обнял её за ноги, плача так сильно, что у него перехватило дыхание.

Сун Луань обняла его за спину и мягко произнесла:

— Не бойся. Твоя мать вернулась.

Даже когда Чжао Нанью вошёл в комнату, он всё ещё не мог перестать плакать. Его глаза покраснели и опухли, щёки были влажными, и он начал икать.

В уголках глаз Чжао Нанью мелькнула улыбка, как будто он смеялся над своим сыном.

Сун Луань посадила сына на колени и взглянула на Чжао Нанью.

— Что у тебя в руке?

— Сахарная тыква.

И добавил:

— Это тебе.

Сун Луань сглотнула. Ей очень хотелось поесть сахарную тыкву в последние два дня. Она требовательно протянула руку:

— Раз это мне, пожалуйста, отдай её.

Её сын плакал. Так как она и её сын были наполовину одним целым, было бы прекрасно разделить её с ним!

Чжао Нанью приподнял брови и рассмеялся:

— Лишь тебе можно есть её, а другим – нет.

И их сыну тоже.

Кроме неё самой, конечно.

Сун Луань надулась, забрала у него сахарную тыкву и сказала:

— Какой же ты скупой.

Она откусила маленький кусочек. Она была немного кисловатой, но ей понравилось!

Кислое – самое вкусное(п.п = беременна походу)!

Съев одну, она опустила голову и спросила сына:

— Она очень вкусная. Попробуй.

— Я не хочу. Ешь, мама.

Сун Луань съела ещё пару кусочков. Чуть позже она поняла, что Чжао Нанью ещё не ушёл.

Было нехорошо не дать ему попробовать.

Сун Луань сделала вид, что протягивает ему сахарную тыкву:

— А ты хочешь попробовать?

Она вспомнила, что раньше Чжао Нанью не любил есть подобное, то ли слишком сладкое, то ли слишком кислое.

Но он кивнул.

Он наклонился, откусил кусочек сахарной тыквы, которую она откусила, осторожно

попробовал и проглотил.

Сун Луань моргнула.

— Ах, - с любопытством спросила она. — Тебе не кажется, что она кислая?

Чжао Нанью всё ещё был в хорошем настроении.

— Она не кислая, а сладкая.

Пф-ф, дурачок!

Спустя долгое время Сун Луань поняла, что он откусил в том месте, где откусила она, и осознала, почему он так сказал.

Эй, а что насчёт гигиены?!

<http://tl.rulate.ru/book/41052/1387756>